

ELLEN FALLEN

ИЗУРОДОВАННАЯ

ХИМЕРА

ЭЛЛЕН ФОЛЛЕН

Эллен Фоллен

Изуродованная химера

«Ellen Fallen»

2018

Фоллен Э.

Изуродованная химера / Э. Фоллен — «Ellen Fallen», 2018

ISBN 978-5-5320-9973-9

Очень часто мы забываем, что мы сами решаем свою судьбу. Уповать на Бога или послать все к Черту... Выбрать свой истинный путь для того, чтобы никогда больше не стоять на коленях. Мир состоит из хищников и жертв... Я сделала свой выбор. Положила свою голову на плаху, отдала себя ему, забыв о том, кто я есть. Но где-то в уголках моей забитой почти насмерть личности живёт та, которая все ещё верит в счастливое будущее. Изуродованная химера, опустив голову, тихо насмехается надо мной, сбивает с пути, устраивая засаду на каждом шагу... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5320-9973-9

© Фоллен Э., 2018
© Ellen Fallen, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ellen Fallen
Изуродованная химера

*Смотри мне в глаза моя Немезида –
Сожги мою душу дотла.*

Пролог

Парни накурились до такой степени, что уже никто не мог вести машину, кроме меня. Я – извращённый мозг нашей разнузданной группировки. Задать направление на очередной разбой, гнусные поступки или устроить мордобой – все было моих рук дело. В свои годы я старательно прятался за маской подонка, коим и являлся. Никогда моя планка не падала низко, все, что я хочу, даётся мне с лёгкостью. Не нарушая привычного хода жизни, днём я учился в университете на последнем курсе, а ночью становился отморозком, который воротил все, что хотел. Сегодня в мои планы не входило обдолбаться, я намеревался надрать задницу одному уроду, который задолжал мне деньги. Компания парней была для поддержания общего настроя, чтобы вывести меня из себя своей тупой болтовнёй. Роль шофёра досталась мне чисто из соображений безопасности: если эти дебилы не ценят свою жизнь, то я все ещё хочу передвигаться по этой планете некоторое время. Пока они перекидывают перочинный ножик один другому, я крепче сжимаю руль.

– Снэйк, как насчёт того, чтобы, наконец, подцепить девку и хорошенько её подолбить? – Я внимательно слежу за дорогой, только изредка моё внимание привлекают огни рядом движущихся навстречу машин.

Пусть эти шакалы бесят меня, чем сильнее, тем лучше; противостоять стокилограммовому противнику – надо быть действительно отмороженным, больным на всю голову.

– Он хранит свою девственность. – Смеется Уоллер, боковым взглядом я вижу металлический блеск ножа. – Я мог бы предположить, что у него просто не стоит на девок. Поэтому не наклоняйся, когда находишься с ним рядом.

Локтем со всей дури бью рядом сидящему собеседнику, отчего его скула мгновенно начинает опухать, машина виляет от моего действия в сторону, а парни замолкают на несколько секунд.

– Ты чёртов урод! – орёт Уоллер, поднимает выпавший из рук нож, я же в это время бросаю на него злой взгляд. – Я же не назвал тебя... – Он дёргается в сторону, когда свободной ладонью я со всей дури хватаю его за затылок и бью об пластиковую панель. – Да молчу я. – Сжимает переносицу.

Меня раздражает, что они слишком много знают обо мне. Я мог бы держать это в секрете, но какая-то шлюха проболталась, что я не поимел её. Потом эти твари объединились и пришли к выводу, что ни с одной из них я не был. Слух дошёл до моей компании, теперь шутка блуждает среди них, пусть и втихую, делая из меня невесть кого. Им непонятно моё поведение. Меня просто не возбуждает обычный отсос или голое тело девок, но и я не примкнул к меньшинству. Насмешка уже перешла все грани, с трудом сдерживаю себя, чтобы не прихлопнуть ублюдка, сидящего рядом со мной, и двоих сзади.

– Я не знаю, чувак, почему ты не трахнешь одну из университетских шлюх. Это странно, пока они занимаются с нами, ты закрываешься в своей комнате. – На моих скулах ходят желваки от того, как сильно я стиснул челюсть.

– Закройте свои рты, твари, – рычу я, взбешённый их выбранной темой. – Я последний раз сказал. – Чирк зажигалки, и машина наполняется едким дымом травы.

Они передают друг другу дурь, пыхтят так, что режет глаза. В лёгком угаре, я сбрасываю скорость, когда мы проезжаем парковую зону.

– О, да ты посмотри какая, – орёт Уоллер, парни оглушительно свистят, натягивают свои маски на лицо. – Снэйк, давай остановимся, смотри, красotka какая.

Прищурился, я всматриваюсь в едва различимую фигуру идущей впереди девушки. Короткий светлый сарафан с пышной юбкой и длиннющие ноги. Идёт на вечеринку, наверно...

Мой разум немного затуманен в накуренном салоне. Улыбаюсь, когда Щип открывает двери и хлопает девчонке по заднице.

– Сволочи! – восклицает она и ускоряет шаг, мне смешно от того, как она показывает ребятам средний палец. Судя по юбке, обычная шлюшка, которая решила, на ночь глядя, прогулять свою задницу. Приключений не хватает, выворачиваю руль и перекрываю дорогу любительнице острых ощущений. Парни выскакивают из машин и обступают её с двух сторон, Уоллер вытирает свой разбитый нос, и они с Флеймом смотрят на меня, спрашивая разрешения.

– Повеселимся? – Он приоткрывает дверь, когда я делаю резкое движение подбородком. – Мы быстро.

Вытаскиваю сигарету из пачки и затягиваюсь, привкус смолы и гари, сплёвываю в окно, и мой взгляд задерживается на трёх парнях, которые удерживают девчонку за руки. Флейм лапает её за задницу, кружевные белые трусики, как бы говорящие о её невинности, заставляют меня улыбнуться. Они пытаются оттащить её с обочины в кусты, пока я наслаждаюсь последними затяжками. Закрываю окно и смотрю вперёд, чтобы свистнуть им, если вдруг будет кто-либо идти. Стоять на стрёме не мой конёк, да и в целом мне плевать, чем они там заняты. Задние двери распахиваются, и в салон вперёд головой влетает девчонка, затем её сумочка.

– Лорена Имоджен Фолс. – Флейм в перчатках рассматривает её документы, проводит лезвием ножа по пропечатанным буквам, затем выкидывает сумочку в траву. – И так найдут.

Тёмная копна волос, отвёрнутое от меня лицо. Парни дёргают бесчувственное тело и зажимают между собой. Флейм запрыгивает в машину и громко дышит.

– Гони, давай. – Автоматически вжимаю педаль в пол, бросаю взгляд на зеркало заднего вида, тянусь рукой, включаю в салоне верхний свет.

Волосы практически полностью закрывают её лицо, кровь из носа девушки струйкой стекает на бордово-красные разбитые губы, затем по подбородку и завершает свой путь на бело-снежной шее с неглубоким порезом от ножа. Сжимаю зубы до скрипа, давлю педаль в пол, чтобы скрыться вместо, где смогу дать этим тупым ублюдкам по морде. Одному за другим я сверну шеи. Снова смотрю на девчонку; парни рвут тряпье на её груди, и я чувствую, как мой член твердеет от её растерзанного вида. Со всей силы бью по рулю, что за черт?! Тяжесть в штанах от того, как они трогают её оголённую грудь, разбитое лицо и бессознательное тело. Я долбаный извращенец. Задерживаю дыхание, чтобы выбить из себя эту дурь, даже не замечаю гула в салоне, эти крысы беснуются в ожидании, когда мы доедем до места назначения. Я снова смотрю на девушку, когда она издаёт бешеный писк. Её глаза широко распахнуты, во рту масляная тряпка, которой я ещё недавно вытирал свои руки. Щип и Уоллер бьют её по щекам, которые раскраснелись от их ладоней. Глаза, наполненные страхом, смотрят мне в душу, и я впервые в жизни испытываю жуткое возбуждение, такое, от которого подкашиваются ноги и дрожат колени. Сжимаю руль до скрипа, резко выруливаю в лесопосадку и торможу. Если сейчас я не возьму все на себя, они зарежут девчонку. Моя грудная клетка тяжело поднимается и опускается, пока я слышу душераздирающий крик сзади. Голоса парней, полностью отключённое сознание, фоновый шум и моё звериное рычание. Выскакиваю из машины, вытаскиваю Щипа и швыряю на землю.

– Пошли все вон! – ору я не своим голосом, поправляю маску на своей голове, пока парни выскакивают на улицу. Девушка заливается слезами, то ли от горя, то ли радости. Её благодарный взгляд и мычание для меня, как очередной пинок к действию, связанные сзади руки как нельзя кстати. – А тебя я не отпускал, персик. – Её тело пахнет этим фруктом так сладко, что я уже не контролирую себя.

Шок от того, что я разворачиваю её к себе спиной, перекидываю между сидениями, снимаю с себя джинсы, надеваю защиту и засаживаю в неё. Моё рычание зверя, её вопли и долбанный свист. Все сливается в какой-то фейерверк. Обхватываю её тоненькую шейку, и за пару толчков я кончаю глубоко в ней. Обмякшее тело девушки приводит меня в замешательство,

трогаю пульс на её руке и, только удостоверившись, что она живая, сажусь нормально на сидение. Подтянув джинсы, я выбрасываю резинку в салоне.

– Это надо отметить, ты повеселился, теперь мы, – скрипит Флейм, когда видит тоненькую струйку девственной крови, сползающую по ноге девушки.

Тело наливается свинцом от его слов, обхватываю его шею и притягиваю к себе нос к носу. Маска искажает мой голос, но уверен они поняли общий настрой, отшвыриваю его от себя.

– Я придушу вас, только стоит вам тронуть её. – Оглядываюсь по сторонам, кажется, мы заехали в парковую зону, отталкиваю его от себя. – Дальше сами доберётесь. – Укладываю девчонку на сидение, тянусь к какой-то тряпке, чтобы прикрыть её голую грудь, развязываю руки и выхожу из машины.

Прохожу к водительскому сидению и завожу мотор, выезжаю из парка и двигаюсь в том направлении, куда она шла. Как, они сказали, её зовут?

Лорена?

Резко останавливаю машину около скамеек под фонарём, вытаскиваю её с заднего сидения и укладываю на одну из них. Развернувшись, я задерживаю взгляд на красивых черных бровях и шелковистых волосах, свисающих до пола.

– Мне не жаль, Лорена, – говорю я, укрываю её тряпкой, которая служит мне подстилкой для машинных деталей. – Мне никогда не будет жаль.

Все ещё не двигаюсь с места, наблюдаю за тем, как её грудь медленно поднимается и опадает от размеренного дыхания. Переключаю передачу в машине и резко даю на тормоз. Ставлю машину на ручник и бреду к телефонной будке, которая стоит в тени деревьев. Набираю телефон «девять-один-один», называю место, где обнаружил девушку. Сажусь в машину и срываюсь с места. Только проехав несколько миль, я снимаю маску и отшвыриваю её туда, где лежит использованный презерватив. Думаю о своих последних словах, которые я произнёс над девушкой.

– Мне действительно не жаль!

Откусываю кусок фрукта и вижу на обратной стороне рваный разрез, словно персик разрезали или надорвали.

Глава 1

Профессор протягивает руку, и я тут же подаю ему материал, о котором он рассказывает аудитории. Моя работа: быть на подхвате, делать мелочи для него, которые станут необходимыми в процессе. Оглядываюсь на шум вошедшей комиссии, три человека из проверки – это слишком много для такой простой лекции. Но потное тело моего профессора напрягается при виде них. Он проводит рукой по лысеющей голове, втягивает дряблое пузо и беспристрастно смотрит на меня. Указательным пальцем тычет в ручку, меня эта позиция рабыни немного раздражает. Но для того, чтобы стать ассистентом на факультете истории, надо дорасти. Пройти все препоны, написать несколько чертовски стоящих диссертаций, и, может, однажды я буду тыкать ручкой в него.

Мужчины из комиссии проходят к свободным местам в первых рядах, пока толстый человек брызжет слюной. По каким критериям он выбирал меня, не понятно, но то, насколько он мне неприятен, не могу передать словами. Упираюсь взглядом в свои записи, чтобы иметь представление, о чем он говорит, краем уха вырываю фразы из контекста. Все это для того, чтобы вовремя включить воспроизведение на экране или подать указку. Студенты университета на его лекциях обычно абсолютно не собраны, наверно, изложение материала неинтересное. Хотя я бы с удовольствием послушала этот же материал из других уст.

Поднимаюсь на маленькую сцену, подключаю прожектор, который воспроизводит на белом экране материал по раскопкам, немного отодвигаюсь в сторону. Указываю на тот или иной элемент, пока профессор рассказывает некоторые моменты. Я практически не смотрю на людей, окружающих нас, во-первых, это запрещено политикой университета, а во-вторых, если я отвлекусь, этот жирный идиот начнёт орать во всю глотку при всех. Терпеть унижения сегодня не входит в мои планы.

Одно дело, когда он орёт при студентах, чем вызывает глупый хохот от них. Другое – комиссия, которая следит за каждым моим движением, может усугубить моё и без того удручающее положение. Я и так живу на птичьих правах в этом городе, а вернуться вместо моего рождения навевает не самые приятные воспоминания о прошлом. Я перетягиваю на себя тяжёлый экспонат, находящийся на столике с колёсиками. Очень тяжело все это двигать по линолеуму, который наспех положили, даже не закрепив. Глыба камня заставляет съёжиться материал на полу и не позволяет двигаться дальше. Обхватываю руками экспонат, хочу приподнять и помочь исправить ситуацию.

– Ты, как всегда, некудыха, – шипит профессор. – Тебе бы мосты подпирают, которые бесконечно разрушаются. Тогда мир знал бы виновного. – Он отталкивает меня рукой, но со стороны кажется, что я сама резко отшатнулась.

Он несколько раз дёргает маленькую каталку и у него ничего не выходит. Бордовое лицо от гнева упирается в меня ненавидящим взглядом. Я опускаю глаза и складываю руки в замок, безвольно опускаю их вниз. Теперь я точно все испортила, едва прикоснувшись. Отхожу в сторону и не держу больше поручень, пусть сам поправляет эту ерундовину. Мне её точно не сдвинуть с места. Со стороны все выглядит немного курьёзно: взрослый мужик пытается подпереть брюхом громадину. Рыхлые руки не могут ни на дюйм оторвать его от плоскости, но мужчина потеет ещё больше, стараясь исправить погрешность. Изначально я говорила, что тележка не утянет этот груз, но ему было откровенно наплевать. Я знаю, на что он злится, но эта наглая свинья не достойна ни одного моего слова. Я столько раз обещала на него пожаловаться за домогательства, что пора бы уже его уволить. Но я уверена, деканат посмотрит на это, как издержки совместной работы и фантазии молодого ассистента. Не знаю, о чем здесь можно фантазировать, когда мужику далеко за пятьдесят, и он только делает вид, что хороший семьянин. А в перерывах лезет под юбку к своему стажёру. Просить, кричать бесполезно, он

давит на то, что у него здесь такая репутация, что мне в принципе его не обличить. А учитывая, что мне нужна работа, я обязана держаться за место. И пусть я буду постоянно бегать от него и молчать, меня он точно не получит. С утра он изрядно постарался вызвать моё негодование, когда зажал между шкафом и стеной, за что получил затрещину. Как он вопил при этом, что я буду жить в собачьей конуре, потому что работать со мной никто не станет, и вообще я полное ничтожество. Я взывала к карме.

И вот она; громкий удар камня об деревянный настил, хруст дерева и шлепок толстого тела пузом вниз на линолеум. Экспонат проваливается под небольшую сцену, вместе с тележкой, разрушив пол. А мужчина, завалившийся пузом вниз, неизящно стонет от боли, боюсь, этого выброшенного на берег кита поднимет только кран. Делаю несколько шагов назад, он же не думает, что я буду поднимать его, прикрываю в изумлении лицо. Сейчас мне проще расплатиться, чем засмеяться, при всей комичности ситуации.

– Помогите профессору Сандерсу. – На сцену поднимается ректор и двое незнакомых мне людей, они переворачивают профессора на спину и тянут за руки. – Мисс Фолс, позвоните в «девять-один-один». Необходимо осмотреть его.

Я подбегаю к своему маленькому столу, хватаю телефон и ожидаю, когда поймает сеть сигнал. Ведь мне запрещается его включать, даже на беззвучный, до такой степени наступает на грудь своим доминированием уважаемый человек. Я вожусь с кнопками, когда вижу над моей рукой зависшие пальцы. Человек прикасается ко мне успокаивающим движением, и я медленно поднимаю голову, когда слышу его голос. Спокойный баритон с небольшой хрипотцой объясняет службе, что нужна помощь. Я стою неподвижно, так как его руки все ещё удерживают мои, взгляд ледяных серых глаз пригвоздил меня на месте. Он заканчивает звонок и, как ни в чем не бывало, продолжает свой внимательный осмотр, особенно его интересует моя шея. Нервно поправляю чокер, который становится слишком тесным.

– Это не ошейник, – не знаю, для чего я оправдываюсь, но слова импульсивно вырываются из меня.

– Не стоит так быстро отвечать на вопрос, который не задали. Вы становитесь слишком уязвимы. – Он отходит от меня в сторону народа, уже толпившегося над барахтающимся куском сала на полу.

– Дура, – произношу я шёпотом. – Набитая идиотка.

Когда в аудиторию заходит медицинский персонал, всех просят удалиться, кроме меня. Я все ещё стою в стороне невидимкой. Мне стоило бы сбежать, но теперь я главный подозреваемый в этом хаосе, ожидающий вердикт. Профессор рыдает о не сбывшейся мечте, ужасной конференции и моих кривых руках. Что ему ужасно неудобно перед всеми собравшимися, в том числе перед деканами других университетов, решивших присоединиться к этому грандиозному событию. А по мне, так никому нет дела до его невнятных слов и не нужных рассказов, под них хорошо спать, а не воспринимать информацию.

Медицинские работники открывают обзор на его белоснежное тело, покрасневшее только в местах, куда попадало солнце, эдакий застарелый пегий загар. Я отворачиваюсь, когда он краснеет ещё сильнее и тычет в меня пальцем. Хочу пройти и сесть на стулья, что представлены для гостей в аудитории, но там находится этот высокий мужчина, что подходил ко мне. Одна его нога задвинута за другую, рука подпирает подбородок. Он изучает меня под всю какофонию звуков, кажется, его не сбивают мельтешащие люди. Представляю его мнение обо мне: идиотка, которая испортила пафосный выход зажавшегося хряка-профессора. Опускаю голову ещё ниже, когда в дверь врывается жена профессора и кричит не своим голосом. Полная женщина обрушивается на него всем телом, рыдает на груди так, словно он при смерти. Хотя, на самом деле, мужчине просто трудно подняться из положения сидя с пола. Суровая правда жизни в том, что ему мешает мешок, который он вырастил на своём теле. Я закусываю губу, чтобы не рассмеяться, когда четыре человека тянут его за руки и жена толкает в спину.

Так и хочется крикнуть: «Подождите! Я сейчас вызову подъёмный кран или домкрат для большегруза!» Но, естественно, я молчу. Профессорская свита заглядывает в яму с камнем, так, словно сейчас им понадобится ещё и «экскалатор» оттуда вытащить, машут руками в стороны, видимо, решают оставить, как есть.

Неожиданно меня толкают в локоть, я оборачиваюсь, чтобы столкнуться нос к носу с женой профессора.

– Ты бесстыжая оборванка, он единственный взял тебя к себе. И вот чем ты отплатила, – она шипит тихо, но очень чётко, я разбираю каждое её слово. – Влиятельные профессора никогда не возьмут такую убогую, обучать тебя бесполезно.

Она задирает нос кверху, её продолговатые крупные ноздри расширяются, вижу каждую волосинку, находящуюся там. Без выбора высказаться, я отхожу немного в сторону и продолжаю молчать. Четверо медиков поднимают профессора на носилки и несут в мою сторону, представляю, как им тяжело, учитывая, как побледнели их лица.

– Мисс Фолс, наклонитесь. – Сандерс хватается за руку и сжимает до хруста, принуждает зависнуть над ним под кряхтение парамедиков. – Изворачивайся, змея, больше ты хлеба даже себе не купишь без позволения. Ты сама меня вынудила, – зловещий шёпот переходит в безобразный кашель, и затем уже елеинным голосом он произносит. – Я тебя прощаю, девочка моя, за все.

Да чтоб ты, урод, проглотил свой язык, извортливая похотливая свинья! Смахиваю со своей щеки его слюни, вечно брызжущие изо рта. Это самый неприятный человек, которого мне доводилось встречать.

– Мисс Фолс, пройдёт со мной. – Я давно ждала этих слов, ну что, значит, пора.

Я иду за худощавым мужчиной с сопровождением в виде тех самых представителей. Они тихо переговариваются за моей спиной на отвлечённые темы, я же, как нашкодивший котёнок, плетусь где-то посередине. Пустые коридоры, огромные стены, студенты испарились как по мановению волшебной палочки. Сейчас можно подумать, что меня, как смертницу, ведут на плаху. Впереди меня палач, а сзади охрана, которая не даст мне сбежать. Поправляю рукава на своей кофте, натягиваю их до самых пальцев, прячу кулаки. Ногти больно впиваются в кожу, но я удерживаю себя от слез, нагло требующих выхода.

Мы заходим в просторный кабинет, длинный ректорский стол для беседы занимает большую половину помещения. Стулья задвинуты, книги расставлены по полочкам, как и папки. Мужчины садятся на крайние кресла, ректор показывает мне подойти ближе к нему. Достает кипу бумаг с делами работников, рыщет среди них, пока не находит мою.

– Лорена, я помню, у вас и до этого были определённого рода проблемы... Но то, что показал мне мистер Сандерс, перечит уставу нашего университета, – мужчина говорит достаточно громко, чтобы его слышали другие два человека, сидящие в помещении. Я оглядываюсь и тут же встречаю блеск ледяных глаз, следящих за мной. – Позволять себе такое в отношении профессора, чтобы дискредитировать и опорочить уважаемое имя. Вы серьёзно думали, что это сойдёт вам с рук?

Я непонимающе уставилась на ректора, о чем он сейчас говорит?

– Я вас не понимаю, – отвечаю я ему. – Я не жаловалась на поведение мистера Сандерса по одной простой причине: вы бы мне не поверили.

Он приподнимает обе свои брови, становясь похожим на Джека Николсона в фильме «Пролетая над гнездом кукушки», швыряет передо мной конверт, которого я не замечала до этого.

– Что это? – спрашиваю его.

– А вы откройте, мисс Фолс, не стесняйтесь. Мы уже ознакомились с данными документами, теперь пришла ваша очередь.

Трясущимися руками я открываю конверт, из которого выпадают две фотографии меня полуобнажённой и лист А4, испещрённым резким почерком Сандерса. Каким образом мои интимные фотографии попали ему в руки? Я помню, как примеряла это бельё в одном из магазинов и отправляла подружке, чтобы она сказала, какое идёт мне больше. Закрываю глаза от бессилия, теперь понятно, куда пропал мой телефон на несколько дней. Этот урод вскрыл его и сохранил себе фотографии, или ещё хуже...

Читаю написанное от руки заявление на имя ректора.

«Прошу вас принять к сведению, что мой ассистент систематически домогается меня, присылает фото интимного характера. Компрометирует открытыми нарядами, несколько раз домогалась меня в уборной университета. Прошу вас оградить меня от подобного».

– Что? – Швыряю бумагу на полированный коричневый стол. – Вы серьёзно верите ему, а не мне? Я ни разу не подходила к нему близко, – я отчаянно кричу. – Сегодня с утра он попытался поцеловать меня до того, как началась пара, несколько дней назад присосался к моему бедру, зажав между шкафами. Кто я, по-вашему? Это ерунда, писулька придурочного мудака, который хочет прикрыть свою задницу. У меня никогда не было с ним связи.

– Вы тише, мы здесь все же не одни. – Он кивает подбородком мне за спину. – В мужской компании я бы на вашем месте помалкивал. Не находите это неуместным?

– А то, что они уже посмотрели на моё обнажённое тело – уместно? Вы бы ещё всему университету показали, что уже говорить о них. И в добавок ко всему, объявили во всех газетах о соблазнение жирного выродка, который страдает недо*бом.

Я тяжело дышу, смотрю на свои ладони с кровавыми отметинами от ногтей. Да к черту!

– Я ещё раз прошу вас вести себя уважительно в обществе джентльменов, – настойчиво говорит он, – иначе...

– Вы же уже все решили? Так к чему тут строить из себя невинных господ? К тому же вы не джентльмены. Кучка стервятников на одну жертву.

Позади меня раздаётся смешок, я уверена, что теперь точно знаю этот голос с хрипотцой.

– Тогда вы можете подписать это немедленно, – скрипит мужчина, принтер изрыгает бумагу о моем увольнении с постыдными буквами причины.

– Уволена за фривольное поведение? – Я наклоняюсь над ректором, который усадил свою задницу на стул и громко хлопаю ладонями по столу. – Вы соображаете своей пустой головой, что именно я являюсь жертвой? Или ваше древнее, как мир, сообщество стариканов совсем потеряли разум? Меня же не возьмут на работу!

– Ну, видимо, и правильно поступят, более нахальной мадам я ещё не встречал. – Толкает ко мне ручку. – Вы перепутали бордель с приличным обществом.

– Если я сняла свой пиджак и осталась в кофте с длинным рукавом, это бордель. Значит, все это надменное приличное общество – безликий миф. – Размашисто подписываю два документа и швыряю в лицо старому «приличному» козлу.

Забираю свой лист и прохожу мимо мистера-ледяные-глаза и второго придурка, что сияют, как новый пенни, от радости, предвкушая, как меня распнут и растерзают на части. Надо было сразу дать выродку по яйцам и пойти пожаловаться, а не терпеть все это дерьмо. Сейчас что уже плакать, на работу меня точно здесь нигде не примут. Останется только ехать домой и просить моих преподавателей по старой памяти и знакомству. Если они смогут закрыть глаза на эту показуху в документе, но проблема не приходит одна. Мне необходимо задуматься, где я буду жить. А если учитывать, что у моей мамы молодой муж, и у них постоянно конфетный период, я официально на улице. Что дальше из этого всего выжать, я не знаю. Достаяю телефон из кармана брюк и смотрю свой баланс на счету, насколько мне хватит просуществовать хоть небольшой период.

– Да уж, не густо, – резюмирую я.

Захожу в подсобное помещение, в котором, по сути, хранятся огрызки моих рабочих вещей. Все поместится в маленькую коробку, думаю я, обойдусь без пары ручек и ерунды в бумагах. Быстрым шагом пересекаю коридор, так и не ставшими мне родными, стены и выхожу на улицу. Делаю последнюю попытку как-то успокоиться.

– Мам, – в телефоне раздаётся смех, – привет.

– Лорена, какая неожиданность. Что у тебя произошло? – Я не скажу, что она волнуется обо мне, скорее о себе. – Попала в очередную неприятность?

– Мне необходимо жилье, я возвращаюсь домой, – перехожу сразу к делу.

– Только не домой, Лори. Сейчас не лучшее время. Ты же знаешь, что я только начала устраивать свою личную жизнь. Что стоило тебя вырастить, – взволнованно говорит мама.

Я молчу, у всех такая мать, которая считает тебя обузой с самого рождения? Ошибкой молодости, которая повлияла на всю её жизнь?

– Мам, обожаю твою прямоту. Но у меня нет вариантов. – Ожидаю её ответа, она выдерживает паузу.

– Поживи в доме своего отца! Конечно, та ещё рухлядь, но всяко своё. Наследство не выбирают. – Она знает, что он, практически, не пригоден для жизни, и после его смерти все пришло в ещё большее запустение. – Лорена, я не могу решать твои проблемы, ты уже выросла. А теперь извини, мы с Эдом едем в магазин.

Это чёртово невезение, преследующее меня, когда-нибудь закончится?

Глава 2

Я собрала весь свой гардероб буквально за несколько дней. Думала, что может кто ещё, отзовется на мои крики помощи с поиском работы. Но оказалось, теперь мне везде перекрыт доступ, и это не странно после всех рекомендаций, поступивших от моего последнего работодателя. Деньги уходили с неприличной скоростью, чтобы не опустошить свой и без того мизерный счёт, я поспешила уехать в город моего детства. Он не такой большой, как тот, в котором я обосновалась, но там меня никто не знал. Прямо скажу, мне не стоило этого делать по нескольким причинам: моя мать, дальние родственники и, естественно, люди, которые до сих пор помнят моё прошлое. Кто захочет вернуться туда, где все муссировали тему твоего изнасилования, картинно вздыхали, как им жаль? Кто-то умудрился сказать, что сама виновата, мол, шаталась ночью, вот и получила. Но никто не учитывает, что я шла с работы в столь поздний час. Зарабатывала себе на обучение, каждая пенни была на счету.

Таксист выгружает мои коробки прямо на грязную землю, не заботясь о том, что он там утрясает или разбивает. Я же смиренно осматриваю заросшую высокой травой территорию, обветшалый забор и табличку «Продаётся». Никому так и не стал нужным этот ужасный дом с его прошлым. Темно-зелёная черепица крыши местами ободралась, стены уже не выглядят белыми, стойкий грязно-серый цвет успел въестся. Сетка на центральной двери ободрана местной живностью, о деревянной вообще не стоит говорить: краска отодралась ещё со времён проживания моего бестолкового отца.

– Возьми свою сумку. – Таксист подходит ближе, его гнилые зубы желтоватого оттенка источают ужасную вонь, он точно не местный. – Плати, давай, потом все рассмотрим.

Лезу в сумочку за деньгами, отсчитываю купюры ему в оплату и отхожу в сторону, когда он отъезжает, подняв за собой облако пыли. Стряхиваю с вещей и головы мгновенно осевшие камушки, подхватываю спортивную сумку, по пути выдёргиваю табличку с объявлением, она тут же заваливается в траву и теряется из вида. Коробки взгромоздились у обочины, но это ещё полбеды. Иду по узкой тропинке к дому, наступаю на скрипящие, выгоревшие на солнце, ступени лестницы, оглядываюсь, куда бы положить мои вещи, но, к сожалению, кроме грязного крыльца, ничего нет.

– Эй, с возвращением! – Оборачиваюсь на крик, раздающийся из соседнего дома.

На крыльце стоит девушка в лёгком ситцевом платье, развевающимся на ветру, смутно припоминаю её лицо.

– Я Руби, не помнишь меня?

Прикрываю глаза от солнца ладонью и улыбаюсь новой соседке.

– Не очень, если честно. – Подхожу к краю крыльца, стараюсь не прикасаться к деревянным грязным ограждениям.

– Я училась в параллельном классе. – Меня немного напрягает её память, не доверяю людям с некоторых пор. В глаза многие улыбаются, а потом получается, что тебя ненавидят, скрываясь за маской.

– Смутно, – отвечаю я.

– Ох, ну это не страшно. Добро пожаловать домой. – Для кого это дом, а для кого – тюрьма.

– Спасибо огромное, пойду, соберу свои пожитки и начну потихоньку устраиваться. – Машу девушке рукой, просовываю старый ключ в замочную скважину, несколько поворотов, и замок клинит, бедром бью по двери. – Мог хотя бы замок сменить перед смертью, клянусь, он стоит здесь с моего рождения.

Снова толкаю бедром дверь, и, наконец, происходит последний щелчок. Чувствую себя первопроходцем: мои следы остаются на пыльном линолеуме белыми пятнами. Плесневелый

застарелый запах, крупинки пыли, летающие в воздухе, и подобие мебели, укрытые белыми простынями. Её настолько мало, что спать мне придётся на полу. Удивительно, как ещё никто не разнёс этот дом в щепки, ведь район не самый хороший. Оставляю вещи на одном из диванов, иду за другими вещами, которые так и остались стоять на улице. Перетаскиваю коробки в гостиную, на последнем подходе в моем кармане настойчиво звонит телефон.

– Лори, ну как ты? Прости, что Эд не помог тебе, только пришёл с работы. Очень устал, – мама торопится мне рассказать сказки о буднях своего нового возлюбленного. – Тебе ведь больше не нужна помощь?

– Ну, я не отказалась бы от нового замка. У меня нет лишних денег ещё и на то, чтобы вызывать ремонтника, тут не знаешь, в какую дыру запихнуть. И пусть поменяет мне фильтр на воду. – Заглядываю под раковину и открываю блокировочные краны. – Тут не жили не пойми сколько. Все ободрано. Я не могу даже воды попить, дверь нормально закрыть. Уже не говорю про условия самой жизни. Что если он развалится на моих глазах? – возмущаюсь я.

– Ой, не знаю, сможет ли он. – Моя мама начинает сомневаться, стоило ли мне звонить. – Ты можешь купить воду. Стоит ли раздувать проблему на пустом месте? И тебе уже двадцать пять, я должна постоянно оберегать тебя?

– Я могу купить воду, но мне необходимо закрыть чёртову дверь, – рычу я. – И ты знаешь, почему. Не прошу меня оберегать, ты не делала этого до произошедшего и точно так же поступила после, отправив скорей с глаз долой. Пришли мне своего Эда, и пусть он поставит замок. Остальное я сделаю сама.

Стук в дверь, и я сбрасываю звонок, моя мама ещё та кукушка, стоит только напомнить о себе, и я тут же превращаюсь в кирпич, который, по её мнению, тащит на дно. Прохожу по узкому коридору, вдоль старых обоев в полоску, они покрыты слоем пыли и грязными пятнами. Мне необходимо сделать что-то с этим местом, иначе жизнь здесь станет невозможной.

Открываю ужасно скрипящую дверь и встречаюсь лицом к лицу с Руби. Она маленькая блондинка с южными чертами лица, веснушки покрывают её маленький носик и щеки. Я вспомнила её, она всегда сидела на первых рядах и внимательно слушала учителей, пока я отсыпалась на задней парте после того, как отработывала в Старбакс.

– Ты наверняка голодна, я принесла тебе пирог. – Она протягивает мне круглую тарелку, накрытую фольгой, и я сомневаюсь, стоит ли отступать в сторону. – Я в курсе, как жил твой отец, ты меня не пугаешь этим домом.

Я освобождаю место, задерживаю решетчатую дверь, и она проходит в дом.

– Все стало ещё хуже с того времени, как он умер, я не очень хотела здесь находиться. Но, как видишь, никто не купил его с тех пор. – Прохожу вместе с ней в маленькую кухню прямоугольной формы, снимаю стулья со стола и оглядываюсь в поиске тряпки, чтобы вытереть пыль.

– А вот так проще. – Девушка вытирает передником стол и ставит тарелку. – У тебя есть чайник?

Я киваю и иду к коробкам, которые стоят в прихожей. Их не так много, чтобы забыть, куда я положила самое необходимое. Достая чайник и пару кружек – все, что имеется у меня. В общежитии был только один гость – это я, вторую кружку взяла как необходимость на случай, если эта разобьётся. Набираю воду в ванне, так как там фильтр чище, и иду в кухню. Руби включает переключатель в щитке, и свет загорается в маленьком домике моего отца.

– А тут неплохо, домик, конечно, не большой, зато ремонт сделаешь быстро, – говорит она громко под шипение чайника. – Всего две комнаты и кухня, когда мы с Пейтоном говорим о ремонте, мне становится плохо.

– У меня и выбора-то нет, я не намеревалась возвращаться. Раз все пошло таким образом... – Сажусь на скрипящий стул и чувствую, как едет ножка, он вот-вот развалится. – Слу-

шай, здесь есть гаражная распродажа? Может кто-то избавляется от вещей, потому что эта рухлядь не проживёт долго.

В уме прикидываю, сколько примерно я могу потратить на косметический ремонт, с учётом дешёвых обоев и не новых вещей. Если бы точно знать, что у меня есть варианты с работой.

– Здесь недалеко заехали новенькие и выставили почти всю мебель бывших жильцов. Ещё старая миссис Паттифер, она раздаёт, распродаёт мебель, которой захлामीла дом, шторы, я не знаю, что там у неё ещё. Мы могли бы сходить вместе. – Она заглядывает мне в глаза, надеется на моё согласие.

Наливаю нам воду в стаканы и с сожалением развожу руками.

– Прости, у меня нет чая, продукты нельзя было упаковать, да и я питалась в основном в столовой при университете. – Мне и правда неудобно перед ней: она приносит еду, а я не могу её отблагодарить. – Все, что вместилось в машину, здесь.

Руби отпивает горячую воду, приятно улыбается. Если б не знала, что там вода, подумала бы, что это нечто безумно вкусное. Руби подаёт мне кусок пирога, я жадно откусываю песочное тесто с начинкой из персиков, покрытую воздушным кремом маскарпоне. Глаза закрываются от удовольствия, желудок приятно урчит от такого сочетания. Я настолько голодна, что заглатываю кусок за считанные минуты, беру ещё один, пока она спокойно пьёт воду.

– Слушай, мне здесь очень одиноко, я постоянно слоняюсь туда-сюда и не знаю, чем себя занять, пока мужа нет дома. Детей и животных у нас нет. Как ты смотришь на то, чтобы я помогла тебе с ремонтом и обустройством? – спрашивает меня девушка, я практически давлюсь куском, вставшим поперёк.

– Зачем тебе это делать? – настороженно спрашиваю её.

– Я и сказала, потому что скучно. Мне необходима подруга, а вокруг живут одни старушки. Все, что они у меня спрашивают, как моё здоровье. И когда я отвечаю «хорошо», они наперебой рассказывают о своих болячках. А они, знаешь ли, не очень интересные собеседницы. – Я улыбаюсь, когда она изображает голос пожилого человека. – Ну как? По рукам?

– А что я отдам тебе взамен? – Страхиваю кусочки пирога в раковину, оборачиваюсь, чтобы видеть её лицо, есть ли какой подвох.

– Дружба, Лорена. Её мне очень не хватает. – Девушка мрачнеет и отдаёт мне кружку. – Иногда я думаю, стоило ли выходить замуж, чтобы постоянно быть одной?

– Ты сказала Пейтон? Это твой муж? Я не помню такого. – Я вообще старалась забыть все связанное с этим городом.

– Он на постоянных подработках, уезжает из города в город. Мы платим ипотеку, кредиты. В общем, пытаемся жить самостоятельно. – Она встаёт из-за стола и направляется к двери. – Так что? Распродажа? – Вытираю вспотевшие ладони об джинсы, согласно киваю. – Кстати, двери ужасные, надо посмотреть, что можно с этим сделать.

Упоминание о том, что я практически не защищена за этой фанерной ерундой, накатывает на меня волной паники. Двигаю дверью, она издаёт противный скрип, кажется, выбить её ногой будет проще простого. Но мне надо выбирать, я не могу остаться без запасов. Щелкаю несколько раз замком, отсчитываю обороты, полтора. То есть, из полноценных трёх я, считай, вообще не закрываюсь. С моим везением можно и решётки на окна ставить в таком случае. Насколько это приемлемо – превращать свой дом в бункер?

– Ты идёшь? – Руби выходит из своего дома, закрывает дверь, пока я в раздумьях, как быть дальше. Лезу в задний карман, достаю жиденький портмоне, на карточке осталось немного на еду. Мне, по большому счету, много и не надо, найти бы работу.

Дёргаю несколько раз за дверную ручку, еле закрываю и спускаюсь по лесенкам навстречу ожидающей меня девушке. Улица выглядит вымершей, все дворики чистые и ухоженные, мне даже страшно оглядываться на свой жуткий дом. По нему бы снимать фильм ужасов из-за всей этой густой поросли травы. Оглядываю тех редких людей, которые встречаются нам, они

не являются богатыми, простой народ. Рабочий класс, который постоянно вкалывает себе на жизнь, они редко замечают окружающих и окружение. Все довольно просто в этом мире: каждый сам за себя, в моем случае именно так.

Когда мы подходим к открытому гаражу с вывеской «Распродажа», никого нет. Конечно, кому придёт в голову забирать старое вместо того, чтобы купить новое. Коробки со столовыми приборами, игрушки, подушки, светильники и даже старые роликовые коньки не пойми каких времён. Руби забирается вглубь и снуёт между рядами вещей. На вешалке она обнаруживает старое перьевое болеро и прикидывает его к своей шее. После чего несколько раз чихает, едва встряхивает его. Я же иду к темно-зелёной мебели: кресло и небольшой диван. В одном месте есть прожиг от пепла сигареты, написано, что он выдвигается и прошёл химчистку. В целом все неплохо; даже когда я проверяю его ножки, они вполне себе рабочие. Кресло выглядит так же, на сидение придётся положить какой-то настил, чтобы скрыть потёртости, обивку я точно не потяну. Руби роняет несколько коробок, под их грохот тащит к выходу огромный торшер на тонкой ножке.

– Тебе пригодится, поставишь между креслом и диваном, один доллар, – констатирует она, по пути цепляет ещё парочку люстр.

– Я даже не представляю, кто это все установит и принесёт в мой дом, – с сомнением говорю я.

Сбоку я нахожу ценник за набор мебели, тридцать долларов за все. Это очень даже хорошо, значит, я смогу позволить себе эту посуду, подушки, как мне кажется, бамбуковые, и что это? В самом конце стоит маленький столик на трёх ножках, стеклянная крышка сверху показывает ещё один слой, в котором растёт пожелтевшая трава. Выглядит очень занятно, если все поставить и правильно расположить, уверена, дом оживится.

– Тут полочка под книги. – Руби тащит из угла металлическую тумбу. – Но ты можешь её использовать и не по назначению.

– Что ты хочешь этим сказать? – Начинаю привыкать к ней и чувствую себя более раскованно.

– Ну, у тебя есть книги? Я не увидела. – Всю бумажную тяжёлую ношу я оставила в общежитии, мне некуда было её запихивать. Проехать пару штатов на такси, отдать бешеные деньги и заполнить полностью всю машину моими вещами. Ждать, пока контейнер привезёт мои пожитки, было бессмысленным.

– Ну вот и я о чем, поставишь сюда обувь. Мы можем её покрасить под серебро, будет вполне сносно. Прихожая слишком узкая, чтобы все лежало хаотично. Стоит копейки. – Пока она все это волочёт на улицу, к нам на шум входит пожилая женщина, опираясь на трость, она очень медленно пересекает помещение.

– Мы тут выбрали из того, что было. – Убираю руки за спину, дурацкая привычка, будто своровала что-то.

– Новенькая? – Женщина подходит ко мне вплотную, очень долго рассматривает. – Девочка Митча вернулась. – Она так вздыхает, будто знает меня с самого детства. – Что же ты здесь нашла для себя? – Наклоняется, чтобы заглянуть в коробку с посудой, затем я показываю на мебель и торшер. – Тебе нужна мебель? Это не вся, ты можешь ещё в доме посмотреть. Я отдам тебе все, что необходимо. Сын решил забрать меня к себе жить, я не нуждаюсь во всем этом. Лучше, чтобы забрали хорошие люди, чем выкидывать на мусор.

Мы с Руби двигаемся за ней, старушка пропускает нас вперёд, но останавливает за руку девушку.

– А это кто у нас? Руби Ченс? Угораздило же тебя связаться с таким разбойником. Давненько его не видела, обещал мне забор подравнять, и нет его. К лучшему... – похлопывает девушку по плечу. – Ох и досталось тебе, милая. Хорошо, я своего сына перевоспитала.

Руби улыбается от уха до уха, довольная тем, что старушка её вспомнила, а я выхожу в комнату с действительно хорошей мебелью. Это не та, что стоит на улице. Здесь все чистенькое, добротное. Я бы даже сказала, роскошное, не для моей конуры. Да и не известно, может, бабуля передумает и поставит цену, что я даже кусочек этой скатерти не смогу оплатить. Провожу благоговейно руками по бархату углового дивана с деревянными поручнями, неестественный фиолетовый, прошитый пуговицами. Круглый кухонный стул, витиеватые спинки стульев – все это кажется невероятно красивым. Меня привлекает шкаф и кровать с железными коваными спинками. Она не гигантская, но вполне хватило бы для двоих.

– Ты можешь забрать все, я с тебя возьму деньги только за доставку, и чтобы оплатить грузчикам. Ты тоже можешь выбрать, – обращается она к моей спутнице, – думаю, мой сын будет рад, что я избавилась от всего и теперь спокойно отправлюсь к нему. Дом совсем скоро заберут новые владельцы, поэтому поторапливайтесь.

Женщина садится на одно из кресел, важно опирается на свою трость и довольно разглядывает наши счастливые лица. Вот уж действительно чистой воды везение: попасть таким образом на гаражную распродажу и получить потрясающую мебель в подарок. Я готова скакать от радости, и пусть мне придётся отодрать все обои от стен и жить некоторое время, как уличный босяк, но я могу купить чёртову дверь.

– Я возьму только необходимое, спасибо вам огромное! – благодарю женщину, осматриваю, что действительно поместится в мой дом.

– Митч был неплохим человеком. Просто ему пришлось тяжело, никто ему не помог. – Выпускаю из рук тюль, которая была зажата в моем кулаке, та свободно оседает у моих ног воздушной массой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.